

Научно-исследовательская статья

УДК 321.01

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-108-120

МИКРОФИЗИКА АВТОРИТАРНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ: ОТ ФУКО К СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Юрий Алексеевич Бурлаченко

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

yura.burlachenko@mail.ru

Аннотация. Автор исследует механизмы конструирования легитимности в авторитарных политических режимах, предлагая синтетический анализ на основе европейской политической философии (М. Фуко, К. Шмитт) и современной российской политической школы (В. С. Авдонин, А. Ф. Филиппов, Р. Окумбеков). Обосновывается, что устойчивость авторитарных режимов обеспечивается не только репрессивным аппаратом, но и сложной конфигурацией дисциплинарных практик, монополизацией права объявлять исключение в законодательной системе и конструированием общих нарративов, создающих согласие граждан. Анализ трехуровневой структуры авторитарной легитимности (микро-, мезо-, макроуровни) позволяет объяснить как долгосрочную устойчивость таких режимов, так и их внезапный коллапс при исчезновении одной из опор. Практическое значение исследования состоит в возможности применить полученную аналитическую схему к современным гибридным политическим системам.

Ключевые слова: авторитаризм, микрофизика власти, дисциплинарные институты, биополитика, суверенитет, чрезвычайное положение, идентитарные нарративы, политическая легитимность, гибридные режимы, неопатримониализм

Для цитирования: Бурлаченко Ю. А. Микрофизика авторитарной легитимности: от Фуко к современной российской политической философии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 3 (59). С. 108–120. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-108-120>

Scientific research article

UDC 321.01

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-108-120

MICROPHYSICS OF AUTHORITARIAN LEGITIMACY: FROM FOUCAULT TO MODERN RUSSIAN POLITICAL PHILOSOPHY

Yury A. Burlachenko

Moscow City University,
Moscow, Russia,
yura.burlachenko@mail.ru

Abstract. The author explores the mechanisms of legitimacy construction in authoritarian political regimes, offering a synthetic analysis based on European political philosophy (M. Foucault, K. Schmitt) and the modern Russian political school (V. S. Avdonin, A. F. Filippov, R. Okumbekov). It is considered that the stability of authoritarian regimes is ensured not only by the repressive apparatus, but also by the complex configuration of disciplinary practices, the monopolization of the right to declare exclusion in the legislative system and the construction of common narratives that create the consent of citizens. The analysis of the three-level structure of authoritarian legitimacy (micro, meso, and macro levels) makes it possible to explain both the long-term stability of such regimes and their sudden collapse when one of the pillars disappears. The practical significance of the research lies in the possibility of applying the obtained analytical scheme to modern hybrid political systems.

Keywords: authoritarianism, microphysics of power, disciplinary institutions, biopolitics, sovereignty, state of emergency, identitarian narratives, political legitimacy, hybrid regimes, neopatrimonialism

For citation: Burlachenko, Yu. A. (2026). Microphysics of authoritarian legitimacy: from Foucault to modern Russian political philosophy. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (3 (59)), 108–120. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-108-120>

Введение

Проблема легитимности авторитарных политических режимов остается одной из наиболее актуальных в современной политической философии и социологии. Классические подходы, восходящие к М. Веберу, сосредоточивались на анализе типов господства (традиционное, харизматическое, рационально-легальное) и показывали, что власть в эпоху модерна нуждается в некотором оправдании, выходящем за пределы голого насилия [Вебер, 1990]. Х. Арендт дополнила этот анализ глубоким разграничением власти и насилия, показав, что истинная власть рождается из согласия и совместного действия, тогда как насилие, напротив, ее разрушает [Арендт, 2000]. При изучении авторитарных режимов исследователи обычно

обращаются к таким категориям, как легитимность, суверенитет, принуждение или политическое господство. Однако подобные подходы не всегда позволяют объяснить, почему значительная часть общества может длительное время принимать существующий порядок даже при отсутствии полноценной политической конкуренции.

В этой связи интерес представляет позиция Мишеля Фуко, который предлагает рассматривать власть не только как деятельность государства или отдельных политических институтов. Анализируя историю тюрем, школ, больниц и казарм, Фуко приходит к выводу, что власть действует через множество повседневных практик. Она проявляется в правилах поведения, способах организации пространства, процедурах наблюдения и оценки. Человек сталкивается с этими механизмами не в исключительных обстоятельствах, а в своей обычной жизни. Именно поэтому Фуко говорит о микрофизике власти, подчеркивая, что властные отношения существуют не только на уровне государства, но и внутри социальных институтов. Такой взгляд позволяет иначе посмотреть на проблему устойчивости авторитарного режима. Его существование зависит не только от работы силовых структур или политических решений руководства. Не меньшую роль играют процессы социализации, воспитания и формирования привычек. Через них закрепляются определенные представления о нормальном поведении, допустимых формах общественной активности и отношении к власти. В результате политический порядок поддерживается не исключительно за счет принуждения, а благодаря тому, что многие его элементы воспринимаются как естественные и само собой разумеющиеся.

История демонстрирует, что авторитарные и гибридные режимы способны существовать десятилетиями, не опираясь исключительно на террор и принуждение. Режим Франсиско Франко в Испании (1939–1975 гг.), режимы в современной Турции, Венесуэле, Кубе демонстрируют, что авторитарная власть функционирует через более тонкие механизмы: через производство определенного типа субъекта, через конструирование враждебного «иного», через создание идентитарных нарративов (апелляции к дополитическим чувствам общности, к истории, традиции, религии, культурному коду нации) [Авдонин, 2023], которые делают подчинение не просто вынужденным, но приемлемым, даже желаемым в глазах значительной части населения.

Для объяснения этих механизмов необходим иной аналитический аппарат. Автор предлагает синтез трех теоретических линий:

- аналитики власти М. Фуко, показывающей, как власть работает не только через запреты, но и через производство знания и субъектов;
- политической теологии К. Шмитта, вскрывающей роль суверенного решения об исключении как основания политического порядка;
- современной российской политической школы философии в лице В. С. Авдонина, А. Ф. Филиппова и Р. Окумбекова, которая предлагает функциональное и онтологическое понимание авторитарной легитимности.

Цель статьи — показать, что микрофизика авторитарной легитимности является трехуровневой системой, где взаимодействуют:

- дисциплинарные и биополитические практики, формирующие послушных и «нормальных» субъектов (микроуровень);
- идентитарные нарративы и производительность режима, генерирующие согласие через апелляцию к истории, традиции и обещание порядка (мезоуровень);
- монополизация права объявлять исключение и определять врага, удерживающая политическое единство (макроуровень).

Эта система объясняет как устойчивость авторитарных режимов, так и их хрупкость: коллапс происходит не постепенно, а мгновенно, когда одна из трех опор исчезает.

Мишель Фуко и микрофизика власти в авторитарном режиме

Мишель Фуко совершил радикальный поворот в понимании власти, отказавшись от ее описания как инструмента подавления и репрессии в руках государства. Вместо этого он предложил видеть власть как сеть отношений, циркулирующих по всей социальной ткани, производящих реальность, знание и, прежде всего, субъектов. Эта переориентация позволяет понять, почему авторитарный режим может быть устойчивым без постоянного насилия: власть работает не только через очевидное принуждение, но и через нормирование поведения, создание норм и отклонений, производство того, что считается правильным и неправильным [Фуко, 2010].

В работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко показывает, каким образом в Новое время складываются особые механизмы дисциплинарной власти, действующие через такие институты, как школа, казарма, фабрика, больница и тюрьма. В центре его внимания находятся практики наблюдения, нормирования и оценки, благодаря которым человек постепенно становится объектом постоянного контроля. Особое значение приобретает не сам факт наказания, а формирование ситуации, в которой индивид начинает соотносить собственное поведение с установленными образцами, и как раз именно поэтому дисциплинарная власть действует не столько посредством прямого принуждения, а наоборот — через выработку устойчивых навыков самоконтроля и внутренней дисциплины. В этом контексте Фуко обращается к образу паноптикума, демонстрируя, как возможность наблюдения сама по себе становится фактором, который меняет поведение [Фуко, 2010]. Для авторитарных режимов такие механизмы имеют важное значение, так как позволяют обеспечивать устойчивость политического порядка не только через репрессивный аппарат. Например, в случае с франкистской Испанией важную роль играли школа, церковь, цензура и многочисленные общественные организации, участвовавшие

в социализации населения, где через систему образования закреплялись представления о национальном единстве, религиозных ценностях и гражданском долге; католическая церковь выступала одним из ключевых источников морального авторитета; контроль над публичным пространством определял границы допустимого высказывания. В результате речь шла не просто о подавлении инакомыслия, а о длительном формировании строгих социальных установок и моделей поведения, воспринимавшихся как естественные и само собой разумеющиеся. Школа формировала образ «правильного испанца», который основывался на принципах национал-католицизма, дисциплины и лояльности к государству. Деятельность Фаланги, профессиональных синдикатов и женских организаций способствовала распространению официальных ценностей далеко за пределами политической сферы.

Развивая свои исследования по теме власти, Фуко далее обращается к проблеме биополитики и биовласти. Если дисциплинарные механизмы были ориентированы в основном на отдельного индивида, то уже сама биовласть связана с управлением населением как особой социальной реальностью [Фуко, 1975]. В поле внимания государства оказываются разные демографические процессы, состояние здоровья населения, уровень образования, вопросы занятости и социального обеспечения. Тем самым власть начинает действовать не только через запреты и санкции, но и через регулирование условий жизни. В этом смысле политика социальных программ и модернизации экономики, повышения уровня благосостояния может рассматриваться не как противоположность контролю, а как одна из форм его проявления. Испанский опыт периода *desarrollismo*¹ 1960-х гг., связанный с ускоренным экономическим ростом, индустриализацией и расширением потребительского сектора, хорошо демонстрирует подобное сочетание механизмов управления и социальной интеграции. В этот период повышение уровня жизни и расширение социальных возможностей не означали отказа режима от контроля над обществом, а, наоборот, становились дополнительным ресурсом его стабильности. Именно поэтому концепция Фуко позволяет рассматривать авторитарный режим как сложную систему, опирающуюся не только на насилие и принуждение; тут скорее существенную роль играют производство норм, организация пространства, формирование повседневных практик и закрепление определенных представлений о допустимом и недопустимом, и именно благодаря этому подчинение властям/режиму обеспечивается не только внешним давлением, но и включением самих индивидов в процессы воспроизводства существующего порядка.

¹ *Desarrollismo* (исп. *desarrollo* — развитие) — экономическая и социальная стратегия модернизации, реализованная в Испании преимущественно в 1960-е гг. при режиме Франсиско Франко. Она была связана с ускоренной индустриализацией, привлечением иностранного капитала, развитием туризма, ростом потребления и постепенным отходом от политики экономической автаркии, характерной для раннего франкизма.

Карл Шмитт и суверенитет как решение об исключении

Если рассматривать другую сторону политической власти, то философ Карл Шмитт переключается с повседневных механизмов управления на предельные ситуации, в которых решается вопрос о существовании политического сообщества. В своей работе «Понятие политического» он утверждает, что сама специфика политической сферы определяется различием друга и врага [Шмитт, 2016], но при этом враг понимается не как личный противник или последователь другой моральной позиции, а как коллективный субъект, способный поставить под угрозу существование политического единства. Именно возможность такого конфликта, по мнению Шмитта, раскрывает собственную природу политического, так как, по его мнению, политика начинается не там, где достигается общее согласие, а там, где возникает необходимость определить границы сообщества и установить, кто принадлежит к нему, а кто воспринимается как источник угрозы и неправильной манеры мышления.

Дальнейшее развитие эта идея получает в работе «Политическая теология», где формулируется знаменитое положение: «сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [Шмитт, 2000, с. 15]. В условиях кризиса или угрозы именно решение о приостановлении действия обычных норм показывает, где находится реальный источник политической власти, поэтому исключение представляет для Шмитта особый интерес: оно демонстрирует не разрушение политического порядка, а, наоборот, его предельное основание, обнаруживая субъекта, способного действовать от имени целого в той ситуации, где привычные механизмы контроля уже не работают. Чрезвычайное положение, будучи исключением, раскрывает сущность режима, демонстрируя, кто имеет компетенцию объявлять его, на каком основании оно вводится, кого это решение признает легитимным?

Для авторитарного режима это означает три вещи.

Во-первых, монополизация права объявлять исключение, где только суверен (в случае режима Франко) может решить, когда страна находится в состоянии угрозы, требующей чрезвычайных мер. Эта компетенция не может быть коллективной (чрезвычайные меры не вводятся парламентом), не может быть перепроверяема (судом), она остается исключительно в руках одного.

Во-вторых, постоянная артикуляция врага, который оправдывает исключение, то есть сам враг не обязательно должен быть внешним (хотя может быть и им). Враг может быть внутренним: коммунисты, сепаратисты, масоны, враги национального единства. Главное — враг должен быть узнаваем и постоянно переопределяем, чтобы оправдать необходимость чрезвычайного положения.

В-третьих, признание того или иного решения правящего политическим единством как легитимного: если никто не признает суверена, его компетенция исчезает. Именно эта опора наиболее хрупкая, потому что она зависит от того, верит ли политическое большинство в то, что суверен говорит от его имени,

что решение суверена — это «наше» решение, а не чужое наложенное, что враг — действительно враг «нам».

Режим Франсиско Франко держался на артикуляции постоянного врага: сразу после войны это были «красные» и враги единства Испании, позднее это были атеисты, материалисты, сепаратисты, коммунисты, «враги Hispanidad» (испанской цивилизации). Речь Франко от 19 апреля 1937 г. позволяет увидеть, насколько важное место в идеологии режима занимала тема внутреннего и внешнего врага; в ней призывы каудильо² к национальному единству сопровождались постоянным указанием на силы, которые якобы угрожали Испании и препятствовали ее возрождению [García López, 2014]. В этом отношении идеи К. Шмитта помогают объяснить логику франкистского политического дискурса. Образ врага выступал не только средством политической мобилизации, но и одним из способов обоснования особого положения Франко как гаранта порядка и единства государства.

Российская политическая философия и функциональная теория авторитарной легитимности

Концепции Фуко и Шмитта рассматривают дисциплинарные механизмы власти и проблему суверенного решения, а уже современные российские исследования фокусируются на способах формирования общественного согласия. Особый интерес представляет функциональный подход к политической легитимности, разработанный В. С. Авдониным на основе идей Ф. Шарпфа. Этот подход позволяет анализировать не только институты власти, но и те представления, ценности и смыслы, благодаря которым существующий политический порядок воспринимается обществом как допустимый и оправданный. В работах В. С. Авдонина обращается внимание на то, что одной лишь способности обеспечивать экономический рост, общественный порядок или безопасность недостаточно для долгого существования политического режима. Подобные достижения могут укреплять поддержку власти, однако они зависят от множества обстоятельств и не гарантированы в долгосрочной перспективе. Экономические спады, социальные конфликты или внешнеполитические кризисы способны заметно ослабить тот ресурс доверия, который был накоплен ранее. По этой причине устойчивые авторитарные режимы, как правило, стремятся опереться не только на практические результаты своей деятельности. Важную роль играет

² Каудильо (*исп.* Caudillo — предводитель, вождь) — официальный титул Франсиско Франко, закрепленный декретом от 29 сентября 1936 г., провозгласившим его Главой правительства Испанского государства (*Jefe del Gobierno del Estado Español*), а позднее — Каудильо Испании по милости Божьей (*Caudillo de España por la Gracia de Dios*). Термин восходит к средневековой испанской традиции военных предводителей Реконкисты, но в контексте XX в. он приобрел значение харизматического лидера, стоящего над политическими партиями и институтами.

формирование представлений о принадлежности к единому историческому и культурному сообществу. В качестве источников такой легитимации могут выступать национальная история, религиозные традиции, коллективная память, представления об особом пути развития или уникальном характере нации. Благодаря этому поддержка режима связывается не только с его текущими успехами, но и с более устойчивыми символическими основаниями, выходящими за рамки конкретной политической ситуации. Режим говорит: «Мы — особый народ с уникальной цивилизацией, уникальной миссией, уникальным путем», — и эта уникальность требует особого типа управления, которое не может быть западным, не может быть либеральным, потому что такое правление не подходит нашему характеру. Применительно к франкистской Испании такая форма легитимации во многом опиралась на концепт *Hispanidad* (Испанидад), который трактовался как выражение особой историко-культурной общности, объединенной католической традицией, идеей национального единства и памятью об имперском прошлом. В рамках данного подхода политическая власть стремилась обосновать свою легитимность через обращение к представлениям об исторической миссии Испании. Важную роль в воспроизводстве таких представлений играли система образования, государственная символика, памятные даты, официальные церемонии и деятельность католической церкви. Как раз через них закреплялся образ режима как политической силы, выступающей хранителем национальной традиции и преемником исторической Испании.

С точки зрения В. С. Авдониной, идентитарная легитимация обладает важным свойством к адаптации [Авдонин, 2023], ее содержание не является стабильным и меняется в зависимости от политической ситуации. Например, в периоды напряженности на первый план выдвигаются мотивы защиты государства, национального единства и противодействия угрозам, тогда как в условиях относительной стабильности акцент переносится на темы порядка, преемственности и традиционных ценностей. Аналогичным образом могут трансформироваться и образы политического противника: в разные периоды в качестве угрозы могут рассматриваться коммунистические движения, региональный сепаратизм, радикальные политические силы или иные акторы, воспринимаемые как вызов существующему порядку. Само ядро нарратива остается неизменным, и это позволяет режиму компенсировать дефициты производительности усилением аффективной накачки идентитарного нарратива (известный эффект «сплочения вокруг флага» в условиях внешней угрозы или внутреннего кризиса). Однако уже А. Ф. Филиппов радикализирует шмиттовскую теорию суверенитета, предлагая понимать его (суверенитет) не как атрибут государства или формальный статус, а как динамическую риторику — как речевой акт, который всегда является посланием. Упоминание суверенитета — это не констатация факта, что государство обладает суверенитетом. Это всегда высказывание о должном и недолжном, о границах, о том, что находится под угрозой и что требует защиты. Филиппов указывает на то, что суверенитет — это формула политической самоидентификации, которая постоянно

воспроизводится. Режим не может просто обладать суверенитетом, как вещью. Режим должен постоянно его утверждать, постоянно напоминать, что суверенитет под угрозой, что необходимо его защищать. Именно через эту риторику угрозы и защиты режим себя воспроизводит [Филиппов, 2020].

Второе важное наблюдение Филиппова касается связи суверенитета с телесностью. Суверенитет распространяется на людей в их телесности: на живые тела, находящиеся на определенной территории. Дело именно в том, что режим может ограничивать перемещение, наказывать, казнить или, напротив, награждать и снабжать ресурсами эти тела [Филиппов, 2020]. Это позволяет понять, почему ранний франкизм (1940-е гг.) был так кровав: суверенитет утверждался через прямой контроль над телами врагов режима (казни, пытки, пропагандистские процессы). Позднее, когда режим консолидировался, суверенитет переместился в регистр биополитики: режим стал заботиться о благосостоянии лояльных граждан (социальное страхование, жилье, туризм), но сохранил исключительное право распоряжаться их судьбой. Именно эта риторическая и перформативная природа суверенитета объясняет, почему режим может быть столь гибким в институциональном плане. Франко мог менять «Фалангу» на технократов, затем на монархистов, затем опять на военных, потому что ни одна из этих групп не обладала суверенитетом. Суверенитет (как способность решать, когда наступает исключение) был полностью сосредоточен в руках каудильо. Остальные группы функционировали в режиме «нормальности», но над ними всегда нависала угроза: суверен может в любой момент отменить эту нормальность ради высших интересов нации.

Особенности неопатримониального режима по Р. Окумбекову

Р. Окумбеков рассматривает неопатримониальный режим как особую форму политической организации, в которой современные государственные институты сосуществуют с практиками персонализированного управления. Формально в подобных системах сохраняются парламент, и остальные органы власти, но их функционирование в основном определяется сетью личных связей, неформальных договоренностей и отношений лояльности, и в результате формальные и неформальные механизмы власти не противопоставляются друг другу, а, наоборот, образуют единую систему политического управления [Окумбеков, 2023]. Такое понимание неопатримониализма показывает, что подобные режимы нельзя сводить к простому сохранению традиционных способов управления. Они могут опираться на современные государственные институты, использовать парламент, партийные структуры и бюрократический аппарат, но это не отменяет высокой роли личной власти. Формальные процедуры продолжают существовать, но многие значимые решения принимаются с учетом неформальных связей и отношений лояльности.

Важное место в этой системе занимают политические и административные элиты, их положение во многом зависит от близости к правящему центру, поскольку именно через него распределяются должности, ресурсы и возможности политического влияния. Поэтому значительная часть элит оказывается заинтересована в сохранении существующего порядка. По этой причине устойчивость неопатримониального режима связана не только с деятельностью государственных институтов, но и с сетью личных обязательств, объединяющих власть и элитные группы. По итогу режим воспроизводится не только через массовую пропаганду и дисциплину (как описывает Фуко), но через интеграцию элит в систему распределения благ. Уже для самого режима Франко это означало, что различные силы (консерваторы, монархисты, фалангисты, католическая церковь, промышленники) были включены в систему управления, но каждая только в той мере, в какой не претендовала на независимость от каудильо. Формально эти группы имели голос, но реально все решал Франко. Это давало режиму большую гибкость: он мог перебалансировать влияние различных фракций, усилив одну и ослабив другую, не меняя фундамент власти.

Синтез: трехуровневая система авторитарной легитимности

Собрав вместе три аналитические линии, мы можем рассмотреть авторитарный режим как комплексную систему, работающую одновременно на трех уровнях.

На *микроуровне* (Фуко: дисциплинарные и биополитические практики) режим производит послушных субъектов через нормирование, надзор, образование, цензуру и организационный контроль. Люди не просто подчиняются приказам, они интернализируют правила, начинают сами себя дисциплинировать, сами воспроизводят норму. Эта микрофизика власти работает повседневно, незаметно, через привычку и инстинкт.

На *мезоуровне* (Авдонин и Филиппов: идентитарные нарративы и риторика суверенитета) режим создает смыслы, которые делают подчинение не только вынужденным, но осмысленным. Граждане верят в особую миссию нации, в то, что режим выражает ее историческую судьбу, в необходимость единства против врагов. Риторика суверенитета постоянно напоминает об угрозе и необходимости защиты, генерируя состояние готовности к мобилизации. Это уровень дискурса, смыслов, веры.

На *макроуровне* (Шмитт и Окумбеков: суверенное решение и кооптация элит) режим сохраняет монополию на право объявлять исключение и интегрирует элиты в систему распределения ресурсов и должностей. Ни одна группа не может бросить вызов суверену, потому что он контролирует доступ к материальным благам и политическому влиянию. Любое отступление от лояльности грозит исключением из системы. Эти три уровня не конкурируют друг с другом, они взаимно усиливают друг друга. Микрофизика дисциплины делает

людей психологически подготовленными к принятию идентитарного нарратива (уже нормированный человек легче поддается пропаганде). Идентитарный нарратив оправдывает макроуровень (монополию суверена на решение), убеждая людей, что только такой тип управления соответствует «нашему характеру». Макроуровень обеспечивает условия для работы дисциплинарных механизмов через систему образования, средства массовой информации и другие институты социализации. Благодаря этому власть получает возможность управлять обществом и закреплять представления о собственной легитимности. Правда, такая система не всегда остается устойчивой из-за экономических трудностей, политических кризисов или снижения доверия к власти — все эти факторы могут поставить под сомнение те идеи и ценности, на которые опирается режим. В результате чего привычные нормы и модели поведения начинают восприниматься менее однозначно, а общественное согласие уже не воспроизводится так же легко, как прежде. В таких условиях власть нередко делает ставку на усиление контроля и репрессивных мер.

Заключение

Анализ микрофизики авторитарной легитимности показывает, что устойчивость авторитарных и гибридных режимов обеспечивается не только голым насилием, как часто полагают, но и сложной конфигурацией трех взаимосвязанных механизмов: дисциплинарных и биополитических практик, идентитарных нарративов и производства смыслов, а также монополизацией права объявлять исключение и интеграцией элит. Каждый из этих механизмов, взятый отдельно, недостаточен; но в синтезе они создают жизнеспособную альтернативу либеральной демократии.

Практическое значение этого анализа состоит в том, что он позволяет переосмыслить проблему демократизации и смены режимов. Режим не падает, когда у него заканчиваются деньги или оружие; наоборот, режим рушится, когда он теряет способность производить смыслы, объединяющие общество, когда идентитарный нарратив становится невероятным, когда людям больше не кажется, что суверен говорит от их имени. В этот момент микродисциплины теряется власть, потому что люди уже не верят в оправдание действий суверена для подчинения тех, кто отдал голос за него.

Российская политическая философия в лице Авдониной, Филиппова и Окумбекова предложила онтологическое и функциональное углубление того, что интуитивно нащупали Фуко и Шмитт. Режим Франсиско Франко, существовавший 36 лет, был исторической лабораторией этой системы. Современные гибридные режимы используют те же самые механизмы, часто не осознавая их теоретических корней. Понимание этой структуры критично для анализа политических процессов XXI в.

Список источников

1. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем. под общ. ред Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 1990.
2. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2000. 148 с.
3. Авдонин В. С. Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации // Политическая наука. 2023. № 3. С. 42–45. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.02>
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 508 с.
5. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 525 с.
6. Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем., заключит. ст. и сопоставление А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
7. García López D. J. La máquina teo-antropo-legal. La persona en la teoría jurídica franquista. Madrid: Dykinson, 2020. С. 43.
8. Филиппов А. Ф. С — Суверенитет // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1 (101). С. 145–150.
9. Окумбеков Р. Транзит политической власти в неопатримониальных режимах (на примере Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 5.5.2. М.: Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2023. 24 с.

References

1. Weber, M. (1990). *Economy and society. Essays on understanding sociology in 4 volumes* (Trans.). Publishing House of the Higher School of Economics (In Russian).
2. Arendt, H. (2000). *On violence* (G. M. Dashevsky, Trans.). New Publishing House. (In Russian).
3. Avdonin, V. S. (2023). Discourse and legitimacy: Toward a functional interpretation of discursive aspects of political legitimation. *Political Science (Russia)*, (3), 42–45. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.02> (In Russian).
4. Foucault, M. (2015). *Surveiller et punir: naissance de la prison* (V. Naumov, Trans.). Ad Marginem Press. (In Russian). (In Russian).
5. Schmitt, C. (2016). *The Concept of the political* (A. F. Filippov, Trans.). Nauka. (In Russian).
6. Schmitt, C. (2000). *Political theology* (A. F. Filippov, Trans.). Kanon-Press-C. (In Russian).
7. García López, D. J. (2020). *La máquina teo-antropo-legal. La persona en la teoría jurídica franquista*. Dykinson.
8. Filippov, A. F. (2020). Sovereignty. *Russia in Global Politics*, 18, (1), 145–150. (In Russian).
9. Okumbekov, R. (2023). *Transit of political power in neopatrimonial regimes (The case of the Republic of Kazakhstan): Abstract of the Candidate of Sciences in Politics dissertation: 5.5.2*. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Юрий Алексеевич Бурлаченко — аспирант департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Yury A. Burlachenko — Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

yura.burlachenko@mail.ru